

О. Ю. Осьмухина, А. Т. Фролова, М. А. Богатова, И. Р. Куряев*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ РОМАН 1930–1970-Х ГГ. В СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Цель статьи — выявить ключевые особенности семейного романа в «Строговых» Г. Маркова, «Журбиных» В. Кочетова, «Вечном зове» А. Иванова. Были использованы следующие методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, метод целостного анализа художественного произведения. Было установлено, что, с одной стороны, соцреалистические семейные романы сочетали семейную «проблематику» с известными социально ангажированными идеями (противостояние «своих» и «чужих», изображение классовой борьбы, последовательная демонстрация губительности частной собственности, вызывающей к жизни «все плохое», показ жертвенности своей и чужой жизнью ради «общих» интересов неправдоподобно «сознательными» положительными героями). С другой, в период апогея соцреалистического искусства именно семейная хроника становится едва ли не единственной разновидностью романной формы, наследующей классические традиции семейного романа и сохраняющей ее ключевые свойства (линейность повествования, соотношение событий романа и событий истории, особая роль хронотопа дома, принципиальность мотива рода, генетической памяти), примером чему являются романы Г. Маркова и В. Кочетова. История одного

* Осьмухина Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. osmukhina@inbox.ru

Фролова Арина Тамазовна — кандидат филологических наук, педагог Дворца творчества детей и молодежи «Неоткрытые острова» (Москва). arina.dzhioeva@mail.ru

Богатова Мария Андреевна — студент, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. therealbrkwrdr@gmail.com

Куряев Ильгам Рясимович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск), Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; kuryaev.ilgam@yandex.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

рода в «Вечном зове» А. Иванова становится отражением истории целой страны и целой нации, объединяя в себе радость и печаль, счастье и горе, добро и зло. Семья — вот главное в жизни человека, народа и государства в целом. В «Вечном зове» А. Иванова отражен процесс трансформации семейного романа в семейную хронику, благодаря расширению повествовательных рамок, конструированию эпического хронотопа, осмыслению частных судеб на фоне истории. Ориентирами в выборе жизненного пути героев становятся не только социальные и исторические события, но прежде всего личная нравственность как нравственность рода, моральные ценности семьи.

Ключевые слова: семейный роман, семейная хроника, соцреализм, хронотоп дома, тема семьи.

Olga Yu. Osmukhina, Arina T. Frolova, Maria A. Bogatova, Ilgam Kuryaev
DOMESTIC FAMILY NOVEL OF THE 1930–70s
IN THE SOCIALIST REALIST CONTEXT

The aim of the article is to identify the key features of the family novel in G. Markov's «The Strogovs», V. Kochetov's «The Zhurbins», and A. Ivanov's «The Eternal Call». The following research methods were used: comparative-historical, typological, method of holistic analysis of the artwork. It was found that, on the one hand, socialist realist family novels combined family «problems» with well-known socially engaged ideas (confrontation of «their own» and «strangers», depiction of class struggle, consistent demonstration of the perniciousness of private property, causing «everything bad» to come to life, showing the sacrifice of their own and other people's lives for the sake of «common» interests by improbably «conscious» positive heroes). On the other hand, at the height of socialist realist art, it is the family chronicle that becomes almost the only type of novel form that inherits the classical traditions of the family novel and retains its key properties (the linearity of the narrative, the correlation between the events of the novel and the events of history, the special role of the chronotope of the home, the principle of the motif of kinship and genetic memory), as exemplified by the novels of G. Markov and V. Kochetov. The history of one family in A. Ivanov's «Eternal Call» becomes a reflection of the history of an entire country and an entire nation, combining joy and sorrow, happiness and grief, good and evil. Family is the main thing in the life of a person, people and the state as a whole. A. Ivanov's «The Eternal Call» reflects the process of transformation of the family novel into a family chronicle, thanks to the expansion of narrative frameworks, construction of epic chronotope, comprehension of private destinies against the background of history. Not only social and historical events, but above all personal morality as the morality of the family and the moral values of the family become the reference points in the choice of the heroes' life course.

Keywords: family novel, family chronicle, socialist realism, chronotope of the house, family theme.

Общеизвестно, что в русской литературе на протяжении XIX — начала XXI вв. формируется жанровая традиция семейного романа, причем к XX в. в семейном романе с его характерными жанровыми особенностями (исповедальность, камерность, ограниченность рамок происходящего историей одного рода) намечается расширение жанровых границ до семейной хроники, а на рубеже нового тысячелетия семейный роман модифицируется в жанр семейной саги в творчестве как «серьезных» писателей (Л. Улицкая, В. Аксенов, Д. Рубина, С. Шаргунов, О. Славникова), так и в произведениях масскульта (семейные саги «Черный ворон» и «Семейный альбом» Д. Вересова, «Капитанские дети» А. Берсеновой, «Утерянный рай» и «Непуганое поколение» А. Лапина, «Дети Ванюхина» Д. Ряжского, «Семейная тайна» О. Карпович, «Две судьбы» С. Малкова и т. д.) [3].

Особый интерес представляет семейный роман эпохи соцреализма, когда в «литературе и в риторике сталинского времени семья с присущими ей значениями единства, кровных уз, общности существования» [6], по справедливому замечанию К. Кларк, являлась «значимым символом», претерпевает существенные изменения. На этом этапе в соцреалистических романах и повестях Г. Маркова, В. Кочетова, В. Закруткина, Г. Николаевой, О. Руднева и др. идея единства в «большой» семье практически отсутствует, а внимание прозаиков «сосредоточено на «малой», «атомарной» семье. Одной из извечных тем оказывается смерть одного из членов семьи или иная форма ухода» [6]. Соцреалистические семейные романы сочетали семейную «проблематику» с известными социальными ангажированными идеями (противостояние «своих» и «чужих», изображение классовой борьбы, последовательная демонстрация губительности частной собственности, вызывающей к жизни «все плохое», показ жертвенности своей и чужой жизнями ради «общих» интересов неправдоподобно «сознательными» положительными героями и др., и здесь примечательны «Строговы» Г. Маркова, «Журбины» Вс. Кочетова, «Вечный зов» А. Иванова.

Роман Г. М. Маркова «Строговы» (1936–1948) повествует о жизни батрацкой семьи Строговых в поселке Волчьих Норы. Здесь, в лучших традициях соцреалистического искусства, главная коллизия состоит в противостоянии мира «своих» и «чужих», «сознательных» и «несознательных» — борьбе бедного слоя общества с купцами. Чётко определена линия протагонист–антагонист: Матвей Строгов и Демьян Штычков. Примечательно то, что автор романа в центр конфликта между героями ставит женщину: Анна, жена Матвея, показана как настоящая верная жена, радеющая за сохранение дома и земли. Во многом благодаря ей семейный очаг не разрушается.

Захар Строгов, представитель старшего поколения, некогда покупает пасеку в таёжной местности рядом с Волчьими Норами. Здесь обосновывается семья Строговых. У Захара с женой Агафьей рождаются двое сыновей. Старший сын Влас, будучи молодым человеком, переезжает в город и работает в трактире. Младший же сын Матвей живёт в доме отца, занимается охотой, здесь же заводит семью с Анной Юткиной. Родители Анны против этого брака, поскольку жизнь с сыном пасечника не выгодна для богатых Евдокима и Марфы Юткиных. Тесная дружба отца Анны с Демьяном Штычковым однажды приводит к страшному эпизоду, когда Матвея чуть не задирает медведь (ситуация была подстроена Евдокимом и Демьяном).

Однажды, осматривая лес, Матвей и его дядя (дед Фишка) обнаруживают труп мужчины, при котором оказывается свёрток с золотом, добытым где-то в этой же местности. С этого момента в Волчьих Норах начинается золотая лихорадка. Найденное золото мыслится как проклятье для дома Строговых. В жажде владеть несметными богатствами люди предают друг друга, гибнут. В леса навдываются чужаки с целью обнаружения приисков. То есть нарушен многовековой покой сибирской глуши.

В жизнь главных героев, как это присуще семейному роману, вмешиваются внешние обстоятельства: во-первых, пятилетняя служба в Матвея в рядах царской армии, во-вторых, революционные события 1905 года, определившие судьбу главного героя (выбирает сторону революционеров). Временный уезд

Матвея из родного дома ради спасения друга предопределяет многие события происходящие впоследствии. Возвращение Матвея к семье омрачается страшным и неисправимым фактом, который становится главным толчком к протесту, — гибель Захара Строгова. И буквально следом за этим автор вводит в повествование знаковое событие: «Не успели Строговы оплакать Захара, как на них обрушилось новое несчастье: в подвалах начала гибнуть пчела» [8, с. 226]. Пчелы — символ труда, жизни и достатка — погибают вместе с главой семьи, Захаром Строговым. Как следствие, семья лишается средств к существованию. Всё это вкупе с требованием купцами оплаты долга становится моментом истины для Матвея, когда он решается на радикальные действия: «Что Зимовской? Разве дело только в нем? Доведись ему найти что-нибудь, так мигом нагрянут всякие прибиткины и кузьмины. Тут надо бить наверняка, всех разом. Народ надо против них поднимать. Вот о чём я» [8, с. 232]. Матвей вовлекается в классовую борьбу, к нему «потянулись мужики» [8, с. 233]. Герои переживают Первую мировую войну, революцию 1917 года и повествование постепенно доходит до событий гражданской войны

Максим и Артём, — самоотверженные большевики — живут по принципам своего отца Матвея Строгова, отстаивая честь семьи и земли, на которой они живут. Девушка Артёма, Маша, погибает от рук Демьяна Штычкова, но у молодого человека есть шанс создать семью с девушкой Дуней. Максим же полностью отдаёт себя классовой борьбе. На примере противостояния крестьянской семьи и ненасытных купцов писатель рисует события, происходившие во всей России того времени: борьба с наглыми помещиками и капиталистами. Крестьяне изображаются как люди забитые, жаждущие уйти из-под гнёта «сильных мира сего». Противостояние Матвея Строгова является естественным действием в целях сохранения дома и семьи. Таким образом показано главное предназначение мужчины — защита рода.

В целом произведение отражает общую оптимистическую тональность соцреалистического искусства, даже, к примеру, когда Анна сомневается в том, что сам Ленин, происходящий не из крестьян, сможет верно понять, прочувствовать народ, Матвей, полностью уверенный в единственно верном «новом» курсе страны, убеждает её: «Подожди, Нюра, дай срок. Ленин такую жизнь построит, о какой ты и в сказках не слыхала!» [8, с. 568].

Со строительством нового социалистического общества, в основе которого заложена идея труда на благо Родины, самоотверженная отдача общему делу, полезность абсолютно каждого человека в процессе устройства жизни, идея единства и верности своей стране — словом, в условиях социалистического сознания, — зарождается новый тип семьи — пролетарский. Центром средоточия сил такой семьи становится общее дело, передающееся из поколения в поколение. Такой семьёй в литературе середины XX в. становится семья в романе В. Кочетова «Журбины» (1950–1952). Это большая семья кораблестроителей. Семейство Журбиных представлено несколькими поколениями. Здесь присутствует свой «патриарх и глава клана — дед Матвей» [7, с. 18]. «Того и гляди праправнуков патриарх дождётся» [7, с. 25]. Повествование романа открывается важнейшим событием для семьи как части мира — рождение нового человека. Ребёнок — это символ новых надежд, веры в процветание

и продолжение жизни. Для Журбиных же, как образцовой советской семьи, рождение ребёнка является чем-то ещё более значимым, даже патетически значимым: «Рабочий человек родился» [7, с. 4].

В романе чётко прослеживается идея «журбинства»: «До чего злая журбинская порода, не терпит женского пола — да и только!» [7, с. 266]. Действительно, в роду, идущем от Матвея Дорофеевича Журбина, потомки по большей части мужского пола: сын Илья, внуки Виктор, Антон, Алексей, Костя и внучка Лида, а также правнук Матвей. «Распределение ролей в этой патриархальной семье традиционно: мать ведёт дом, воспитывает детей, ...отец — добытчик, дети продолжают отцовское дело» [7, с. 66]: «В семье Журбиных все жили дружно, семья считалась одной из наиболее крепких в Старом поселке» [7, с. 70].

Особое место в семейном романе советского времени занимает хронотоп. В «Журбиных» это «Якорная девятнадцать» в Старом посёлке: «В семье Журбиных сложилась традиция не покидать родительского крова: под ним хватало места всем и никто никого не принуждал поступать против воли» [7, с. 129]. Семья Журбиных — это мир добра, силы, взаимопомощи и ответственности. Дом этой семьи всегда открыт для людей. Однако Кочетовым ясно поставлена задача показать идею превращения всего советского пространства в «огромную семью Журбиных» [7, с. 132]. Подобная «мысль о всемирном торжестве трудового пролетариата <...> соединяется с концептом избранности, династийной замкнутости» [6].

Отклонение в сторону от принципов журбинского дома является непростительным. Так, Илья Журбин «выговаривает» Алёшке за его легкомысленное отношение к коллективному сознанию, его неверному поведению по отношению к таким же рабочим людям, как и он: «Я правильно ему, мальчишке, толкую. Мальчишка он, зазнайка! Слушаю тут на днях по радио: лекция Алексея Журбина! Что болтает? «Я взял... я устроил... я подумал... Модернизированный молоток... Скоростная клепка...». Опять «я» да «я»» [7, с. 165].

Таким образом, семейная хроника в русской соцреалистической литературе середины XX в. обретает вполне устойчивые черты: «исповедальность, отсутствие «героизации», хроникальность и привязанность к одному месту действия и развития сюжета; в качестве жанрообразующего элемента выступает, как правило, образ дома, семейного очага» [4, с. 24]. Семейная хроника, соединяя человеческую историю и историю социума, по сути, рисует закономерности общественных изменений — посредством изображения становления персонажа — личностного и социального. Соответственно, специфической особенностью семейной хроники вполне можно считать смену поколений на фоне исторического развития общества.

Весьма примечателен в свете заявленной проблематики роман-эпопея А. С. Иванова «Вечный зов» (1963–1976 гг.), повествующий о судьбе трёх братьев Савельевых. На первый взгляд, произведение Иванова стоит в одном ряду с семейными хрониками соцреализма («Строговы» Г. Маркова, «Журбины» Вс. Кочетова и др.), однако «Вечный зов» во многом от них отличается. Если произведения Г. Маркова и Вс. Кочетова изображают историю «малых» семей, соотносимую с историей государства, «большой» советской семьи, и поступки, поведение представителей нескольких поколений стороговского или журбин-

ского кланов оцениваются прежде всего с точки зрения общественной морали («нарушающие семейные отношения, оказываются недостойными людьми и в других областях жизни» [6]), то в «эпосе» А. Иванова все не так однозначно.

Конечно, «Вечный зов», написанный прозаиком достаточно одиозной репутации (напомним, что А. Иванов, равно как и Г. Марков, А. Чаковский, П. Проскурин, занимавшие руководящие посты в Союзе писателей, достаточно однозначно воспринимался «литературным начальником» и представителем «официоза») в период апогея «застойной» эпохи, содержит немало ангажированных идей в духе соцреализма: противостояние «своих» и «чужих», изображение классовой борьбы в годы революции и Гражданской войны, последовательную демонстрацию губительности частной собственности, вызывающей к жизни «все плохое», показ жертвенности своей и чужой жизнями ради «общих» интересов неправдоподобно «сознательными» положительными героями и др. При этом роман А. Иванова примечателен тем, что «выпадает» из постсоцреализма 1970-х гг. Он отчетливо принадлежит одному — и весьма интересному — периоду отечественной словесности, когда «советское» как «прогрессистское» и «модерное» (с сюжетами о стройках, ученых, заводах и т. д.) начинало исподволь преодолеваться старой классикой, рассказывавшей в XIX веке своему читателю единый и потенциально бесконечный народный эпос (от «Капитанской дочки» и «Тараса Бульбы» к Н. Лескову, а затем, разумеется, к Л. Толстому) и как бы «проступавшей» изнутри утратившего к середине 1970-х гг. былой задор соцреализма. Если, как справедливо полагает К. Кларк, «советская литература конца 1960-х — начала 1980-х годов рассказывала о разнообразных типах смертей и расставаний внутри «малой» семьи, но любимой была тема отделения сына от отца через смерть или отчуждение, иными словами, разрыв прочной связи отца и сына» [6], то в «Вечном зове», напротив, «разрывы» и «расставания» между членами одного «клана» в конечном итоге преодолевается — дети становятся символом примирения внутри «большой» семьи, воплощая собой продолжение жизни, преемственность поколений. При всей, на первый взгляд, «идеологической верности» соцреализму, «Вечный зов» продолжает отечественную традицию семейной хроники (а в своих военных разделах отчетливо отсылает, кстати, и к Л. Толстому), прежде всего М. Горького, обозначенную в «Деле Артамоновых».

В центре романа — конфликт членов семьи, показанный в неразрывной связи с историческими событиями в России в период с 1902 по 1961 годы. Определяющую роль в произведении играет хронотоп. Время действия — до и послереволюционная Россия с разворачивающимися в этот же период войнами. Основное место действия — сибирская деревня Михайловка. Очевидно, что на примере жизни небольшого населённого пункта в алтайском крае Иванов стремился отразить жизнь всей страны в то неопределённое и тяжёлое время. Речь героев нарочито упрощённая. За таким стилизованным отображением речевой действительности мыслится намёк автора на отсталость русской глубинки, её неготовность к социальным переменам, некоторая растерянность.

Иванов определяет наличие в романе важной составляющей «канона семейного романа — обязательного ответа на вопрос о возможности существования семьи в современном обществе» [2].

Центральной проблемой романа автор чётко ставит конфликтные моменты рода, кризис в отношениях, разрыв семейных связей. Как это и присуще жанру семейного повествования, здесь одним из ведущих факторов перемены в привычном строе жизни рода становится внешний мир, мир, находящийся за пределами домашних стен. Само понятие «родового дома» у Иванова как бы рассыпается, подвергается расщеплению. Традиционный семейный очаг с несколькими поколениями рода расходится. Братья Савельевы устраивают жизнь вне истоков. Однако они отнюдь не стремятся абсолютно «порвать» с прошлым, они остаются на той земле, где родились.

В целом произведение глубоко психологично. Роман пестрит огромным диапазоном характеров, причём они могут быть как крайне отрицательными (Валентик, Макар Кафтанов), так и крайне положительными (Поликарп Кружилин, Антон Савельев, Иван Хохлов), а также находящимися в тяжёлом психологическом развитии на протяжении романа (Пётр Полипов, Яков Алейников). Особняком стоит личность Фёдора Савельева, поскольку его психологический портрет как бы застывает, каменеет, его трудно разъять и изучить подробно. Многие его поступки порой тяжело объяснимы и для него самого. Например: «—...Говори, где твой брат-каторжник?! — Федька! Фёдор! — умоляюще вскрикнул сбоку отец. Но не голос отца, не его насмерть испуганные глаза, вдруг злостью и гневом что-то вскиптали внутри Фёдора. Он вообще не понял в эту секунду, что с ним произошло, дёрнулся, пытаясь освободить шею из мёртвой хватки потных кафтановских рук, закричал пронзительно: — Убери лапы, гад такой!! [5, т. I, с. 283].

По определению В. Томашевского, «роман как большая повествовательная форма обычно сводится к связыванию новелл воедино» [10, с. 249], то есть роман — это собрание нескольких историй, так или иначе перекликающихся друг с другом. Роман «Вечный зов», из выделенных исследователем трех типов романа, можно отнести к типу «параллельного построения»: «судьба одной группы противопоставлена тематически другой группе..., и таким образом одна из параллельных как бы освещается и оттеняется другой» [10, с. 250]. В «Вечном зове» параллельно роду Савельевых рассказываются истории других семей и людей по отдельности (семья Инютиных, Яков Алейников, Поликарп Кружилин и др.).

Заканчивает роман подробный эпилог — «комканье» повествования в финале. В «Вечном зове» прозаик в эпилоге повествует о послевоенной Михайловке и Шантаре. Причём действие не сразу переносится в 1947 год, а постепенно, ретроспективно подготавливает читателя к переходу в «настоящее».

Отметим те черты семейной хроники, которые нашли свое отражение в «Вечном зове»: во-первых, в центре повествования — история рода Савельевых; во-вторых, каждый герой романа имеет индивидуальный и подробный «внешний» и «психологический» портрет; в-третьих, действие эпопеи охватывает более чем полувековой период; композиция произведения насыщена ретроспекциями, этот приём, по существу, является ведущим в повествовании; для передачи местного и национального колорита прозаик активно насыщает речь персонажей необходимыми языковыми особенностями (речь героев в целом представлена как крестьянский говор). Разумеется, в «Вечном зове»

присутствует тоталитарный дискурс, характерный для словесности тех лет. Такой тип дискурса наличествует в речи партийцев, рабочих.

С целью подробного и структурированного рассмотрения произведения с точки зрения семейного романа и судьбы рода, выделим четыре основных этапа в жизни братьев Савельевых.

Во-первых, происходит распад семейных отношений. Автор «Вечного зова» хроникально и подробно представляет историю рода Савельевых, начиная с главы семьи — крестьянина Силантия и его жены Устины, которые воспитывают троих сыновей: старшего Антона, среднего Фёдора и младшего Ивана, и заканчивая уже четвёртым поколением рода. Вопреки тенденциям писателей XX века в изображении гибели рода, Иванов, напротив, сохраняет и даёт дальнейшее развитие семейному древу Савельевых. Однако мы не можем говорить об абсолютном сохранении рода.

Повествование романа открывается прологом в полсотни страниц (период 1908–1919 гг.), где автор кратко знакомит читателя с персонажами и историческим фоном произведения. В первую очередь показана история Антона Савельева — его место рождения (деревня Михайловка), воспитание в бедной крестьянской семье, переезд в Новониколаевск с дядей, связь с революционерами, женитьба на девушке Лизе, рождение сына Юры. Ярким аспектом жизни Антона автор делает революционную борьбу. И именно эти активные революционные действия приводят молодого человека в кабинет следователя Лахновского, проводящего беспринципные по жестокости допросы. Антону выпадает доля претерпеть мытарства по тюрьмам, он неоднократно с помощью товарищей избегает расстрела. Одной из жутких страниц романа становится очередной допрос Антона Лахновским, на котором против воли оказываются Лиза и Юра. Жена Савельева едва не лишается рассудка, боясь за жизнь своего сына.

В прологе также описаны события Гражданской войны на территории Михайловки. Здесь автор ярко показывает тему семейных отношений в годы разлома нации. Это тот момент, когда намечается чёткая линия разрыва между братьями, в частности между Фёдором и Иваном. Одна из основных причин конфликта — расхождение по разным социальным лагерям. Фёдор выбирает сторону большевиков, Иван же вынужден остаться с помещиком Михаилом Лукичем Кафтановым из-за любви к его дочери Анне. Однако, как неоднократно будет подчёркнуто автором на протяжении всего романа, Иван сам не понимал, на чьей стороне истина. Милосердие, проявленное им по отношению к человеку, приговорённому к расстрелу Кафтановым, яркое тому подтверждение.

«— Дык, можа, и ты айда к нам? К Кружилину-то?

— Куда-а... Запутался я, брат, до конца, как рябчик в силке. Фёдор, братец, самолично меня зарубит.

— Что Фёдор! У нас Кружилин Поликарп над всеми командир. Он мужик понимающий, душевный.

— Ты иди-ка, пока я в самом деле тебя не шлёпнул! — вдруг, рассердясь, крикнул Иван.

И с того дня Иван всё скучнел, чернел лицом, сделался вялым. Ночами его не брал сон, ворочаясь, он всё думал: отчего же он запутался, кто в этом виноват?

Сам ли он со своей любовью к Анне, Анна ли, отказавшая ему в своих чувствах, Кафтанов ли, обещавший отдать за него Анну, время ли, суматошное и кровавое, всё перепутавшее?! Или всё это, вместе взятое? Ответить на это Иван себе не мог» [5, т. I, с. 37] (справедливости ради отметим, что слова «как рябчик в силке» станут пророческими для Ивана: ему дважды придётся пройти тюремный лагерь, будучи невиновным).

Переломным моментом и камнем преткновения в дальнейших отношениях между братьями стала казнь их отца — Силантия Ивановича Савельева. Белогвардейцы выносят ему смертный приговор, поскольку Силантий показал отряду ополченцев (во главе с Поликарпом Кружилиным) тайную дорогу через пещеру на Звенигоре, где они смогли скрыться от преследователей. Фёдор вменяет вину в смерти отца именно Ивану, поскольку считал, что он мог предотвратить беду, но не сделал этого. В действительности же Иван физически не был способен помочь отцу. Ещё более усугубляет положение убийство Иваном помещика Кафтанова, который совершил насильственные действия в отношении своей дочери Анны. Впоследствии, женившийся на Анне Фёдор обвиняет именно Ивана и в том, что старший сын Семён приходится ему якобы неродным: «Она-то понимала, почему Фёдор недолюбливает старшего сына. Оба младших, Димка и Андрейка, были в отца — такие же чернявые, большелобые и бровастые. <...> А старший, Семён, был в неё — русоволосый, белокожий, сероглазый.

— В погребке, что ли, мы его с тобой сделали? Не помнишь? — часто говорил ей Фёдор, когда Сёмка начал подрастать. Говорил — и криво усмехался в чёрный колючий ус. И окатывало её пронизывающим холодком: «Не верит... что его кровь... что он отец!»» [5, т. I, с. 62–63]. Не посвящённый в страшную тайну о причине потери целомудрия Анной, Фёдор на всю жизнь озлобляется на жену: «- Будет! Знаем... Не девицей тебя взял!» [5, т. I, с. 63].

Таким образом, уже в прологе прозаик определяет главные причины распада семьи: расхождение путей братьев в Гражданскую войну; смерть Силантия Савельева; подозрение Фёдора в измене Анны с Иваном (в совокупности с этим Фёдор понимает, что со смертью Кафтанова и своим содействием на стороне большевиков, он окончательно потерял деньги, которые хотел заполучить, женись на Анне); утрата истоков, т. е. семейного очага и старшего в семье (Антон уводит белогвардейцы).

Следующим этапом в истории Савельевых становится существование «вне» рода. Разрыв семейных отношений на долгие годы заставляет братьев создавать свои семьи с чистого листа, т. е. патриархальный дом с присутствующими в нём несколькими поколениями окончательно разрушен. «Дело идет именно о прочном семейном и материальном устройстве главных героев, о преодолении ими той стихии случайностей, в которой они первоначально существуют, о создании ими... семейных связей с людьми, об ограничении мира определенным местом и определенным узким кругом родных людей, т. е. семейным кругом» [1, с. 479]. Братья абсолютно дифференцированы по отношению друг к другу. Антон — человек истины, борец за идею, самоотверженный большевик, принципиальный во всех отношениях. Так, в период Великой Отечественной войны он тяжело переживает ситуацию, когда его сына Юрия не забирают на фронт из-за заводской брони:

«— Ваш сын, Антон Силантьевич, токарь высшего разряда?
— Да. Ну и что же?
— Разве такие специалисты не нужны на вашем заводе? У нас есть приказ — бронировать таких. Но он не работает ещё на заводе.
Антон глянул на жену, которая тяжело перенесла дорогу и сейчас еле переставляла ноги по комнате, вздохнул и, поколебавшись, произнёс:
— С завтрашнего дня будет работать...
Чувствовал Антон себя так, будто сделал мерзость» [5, т. I, с. 330].

После победы большевиков Антон вместе с семьёй уезжает в Крым, где занимается партийной работой и руководит крупным производством.

Отношения Фёдора и Ивана достигают пика кризиса. Братья показаны как два непримиримо противоположных начала, которые, однако, обнаруживают друг в друге, против своей воли, черты схожести. Это рационально объяснимо, поскольку они принадлежат к одному роду. Они — кровь от крови и плоть от плоти друг друга. Впрочем, и это не является для них аргументом к прощению и взаимопониманию. По замыслу автора, Фёдор изображается как тёмная сторона, Иван — как светлая. В романе делается акцент и на внешности братьев, и на их душевных качествах. Природная и моральная разность становится непреодолимым барьером в их отношениях:

«— Уходи от греха! Добром прошу.
— Чем я тебе сейчас-то мешаю? — шевельнул Иван усами.
— Усы мне твои не нравятся! — полоснул Федор брата откровенно ненавидящим взглядом.

Усы Иван отпустил недавно, такие же густые и жесткие, как у Федора, такой же подковкой. Разница была лишь в том, что у Федора они были черными как смоль, а у Ивана светло-русыми, под цвет бледно-серых, как застывшее в июле знойное небо, глаз.

— Усы как усы... Навроде твоих, только цвет другой» [5, т. I, с. 74–75].

Характерно и то, что неоднозначность взаимоотношений братьев переходит и на их детей. Младшее поколение рода Савельевых, руководствуясь услышанным и узанным из внешней среды, постепенно отстраняется друг от друга:

«Однажды в душный полдень восьмилетний Димка прибежал с улицы, напился молока и, поковыряв в носу, спросил:
— Мама, а чего люди говорят... будто этого, дядьку Ивана, отец наш в тюрьму засадил?» [5, т. I, с. 88].

Или:

«— Эй, дядька... — сказал Семён, сунув в карманы измазанные землёй руки. — Люди будто говорят, что ты мой дядька.
— Это правда, я твой дядя, — ответил, помедлив, Иван.
— А что же ты тогда у беляков служил?
— Так вот... пришлось, — растерянно улыбнулся Иван.
— Эх, контра белопузы! — угрюмо бросил парнишка и ушёл, не вынимая рук из карманов» [5, т. I, с. 78].

Фёдор — человек, не нашедший себе места среди людей. Часто он оглядывается на свою жизнь, видит цепь замысловатых происшествий и собственных решений, которые привели его к той жизни, которой он живёт. «Чужой я им всем, чужой» — уверяет он сам себя, всё больше озлобляясь и отстраняясь от окружающих. Не так планировал он устроить свою судьбу.

«Фёдор шагал по тёмным, пустынным улицам не спеша, время от времени вытирая ладонью горячий, влажный лоб, и невесело размышлял, что и тут права она, Анна, чёртова баба. Да, да, жалеет он обо всём! И что Кафтанов Михаил Лукич погиб безвременно, и что от богатства его один дым остался. Да, точит это его всю жизнь, как червяк точит дерево, как водяная капля точит камень-гранит. Точит, выедает в сердце самые больные места...» [5, т. I, с. 547].

По справедливой мысли М. М. Бахтина, «отрыв времени жизни от определенной и ограниченной пространственной локальности, скитание главных героев, прежде чем они обретут семью и материальное положение, — существенная особенность классической разновидности семейного романа» [1, с. 479]. Эта особенность наиболее ярко отразилась в образе Иван Савельева — человека, запутавшегося в себе, пережившего множественные удары судьбы. Анатолий Иванов убедительно презентует психологизм Ивана, его внутренние переживания и попытки осознать враждебную действительность. В этом герое рефлексия проявляется ярче всего. Пройдя тюремную жизнь, герой никого не отталкивает от себя, даже напротив, пытается ужиться рядом с утратившим к нему доверие обществом. Иван не покидает свою малую родину, хотя и понимает, что жизнь здесь и для него, и для его семьи будет невыносима.

«— А может, нам уехать отсюда? А, Иванушка? — спросила Агата однажды после ужина. <...>

— Нет, не дело, — вздохнул наконец Иван. — Тут я родился. Тут батьку с маткой... колчаковцы сгубили. Старший брательник, Антон, правильно пишет: «Тут, в родной деревне, замazyвая свои грехи. Пуцай, говорит, их могилы вечно твою память скребут» [5, т. I, с. 77].

Чрезвычайно сильно в романе женское начало. Роль женщины в «Вечном зове» предопределяет сохранение рода в целом. Эта миссия была для героинь романа слишком тяжела, однако им хватило сил выстоять и с достоинством исполнить не только свою главную функцию — жены и матери, но и сохранить хозяйство в целом. Как справедливо отмечает О. Ю. Осьмухина, «женщина в современном мире вопреки архаическим представлениям о мужчине-охотнике, основателе рода, создателе семьи, вынужденно принимает эту функцию на себя» [9, с. 286].

Посредством женских образов А. Иванов вводит в роман тему тяжёлой женской судьбы. По своей масштабности роман охватывает множество образов, достойных пристального изучения, однако мы остановимся на персонажах, имеющих непосредственное отношение к роду Савельевых. Цепь трагических женских судеб получает начало от Устиньи Савельевой, которой пришлось пережить разлад сыновей, а затем и увидеть собственными глазами, как её мужа казнят белогвардейцы.

Лиза Савельева (Елизавета Никандровна), жена Антона, вынуждена уже с юности идти вслед за своим возлюбленным (затем — мужем), переживая страшные лишения и жестокость эпохи. А. Иванов вводит в роман антагониста — Петра Петровича Полипова, который играет отрицательную роль в судьбе Антона Савельева, а также многих других героев произведения. Именно он и делает возможным допрос семьи Антона Савельева. Елизавета Никандровна стала хранительницей честного имени своего мужа после его смерти, она пыталась доказать, что Полипов доносил «царской охранке» о действиях Антона.

Анна Кафтанова — дочь помещика, героиня, пережившая в романе огромное число разочарований: насилие отца, неудачное замужество, утрата возможности на жизнь с человеком, искренне любившим её. Всю свою физическую и моральную измождённость она выплёскивает, говоря Фёдору страшные слова: «— Господи! — отбрасывая одеяло, вскрикнула вдруг Анна. — Да хоть бы тебя на войну забрали! Да хоть бы тебя убили там!» [5, т. I, с. 162]. Единственным спасением и «островком надежды» для Анны становятся трое её сыновей — Семён, Андрейка и Дима. Однако и здесь она переживает огромное горе: её старший сын Семён погибает на войне.

Агата, жена Ивана, — символ истинной русской женщины — любящей, верящей, выносливой. По сути, семейный очаг, существовавший большую часть жизни именно под её началом (без поддержки сильной половины — мужа), выстоял во все лихолетья благодаря неимоверной силе этой хрупкой женщины, которая так и не успела испытать полного семейного счастья. Ей было суждено погибнуть в момент, когда, возможно, их с Иваном семейный очаг смог бы получить новую жизнь.

На похоронах Агаты Поликарп Кружилин произносит прощальную речь, в которой отражена вся горечь женской судьбы, которую не могут не заметить и мужчины:

«...Простая ты была женщина, Агата, была хорошей женой и хорошей матерью, хорошей колхозницей. Но такими простыми и держится наша земля. Недавно председатель ваш Панкрат Григорыч говорил мне: в Громотуху вон Громотушка впадает, другие речки да ручейки вливаются, потому и не мелеет Громотуха... Никогда, дорогие мои женщины, не обмелеет жизнь и духом не оскудеет земля наша, потому что живут на ней вот такие простые люди, как Агата Савельева...» [5, т. III., с. 228–229].

Тяжелее всего эта утрата далась для Ивана, когда он «окаменевший и бесчувственный» стоял над могилой «верной и безответной жены своей, которая в самые лихие времена была его единственной радостью и духовной опорой» [5, т. III., с. 232]. Таким образом, существование братьев «вне» рода зиждилось на силе их жен, которые не позволили разорваться цепи жизни и дали путь новому поколению.

Очередным этапом в жизни рода является период принятия решений на пути разрешения конфликта.

Противостояние Ивана и Фёдора не способен упразднить даже старший брат Антон, который, по патриархальному семейному канону, становится отцом для своих братьев. Ключевой точкой разрыва между Савельевыми стала

гражданская война: Антон попадает в тюрьму, а затем живёт с семьёй в Киеве, Фёдор женится на Анне и строит очаг в родной земле, Иван — проводит долгое время в тюремных лагерях, дважды возвращается в Михайловку и пытается наладить семейную жизнь с женой Агатой. Встреча братьев через 30 лет после расставания показывает, насколько сильно они отдалены друг от друга. Изменить это уже невозможно, поскольку столь длительный срок разрыва делит род Савельевых на три уже не взаимосвязанные ветви.

Фёдор регулярно изыскивает пути, чтобы больше «уколоть» брата. Острее всего это проявляется в период войны, когда Фёдор с особым озлоблением относится к Ивану:

«Фёдор, идя после обеда на работу, столкнулся с младшим братом посреди улицы. Иван был жёлтый и худой, будто встал из гроба.

— Не кончилась война-то ещё, — сообщил Фёдор насмешливо. — Так что ищи способ опять в больницу нырнуть.

Иван улыбнулся, щурясь на яркое солнце, проговорил:

— Ишь вот как... Ни одна собака не облаяла пока, так тебя встретил.

И разошлись» [5, т. I, с. 532].

С трагической гибелью Антона Савельева наступает период оцепенения. Внутренний кризис Фёдора достигает апогея: его мир надламывается, кардинально меняется восприятие всего окружающего: «<...> с каких-то пор Фёдор жил словно в пустоте. Он ел, спал, ходил на работу, с кем-то разговаривал, но всё это будто бы делал не он, а кто-то другой, его, Фёдора, это всё словно и не касалось. Ничто его не волновало, не трогало <...> Он не боялся, что его возьмут на фронт, но и не радовался, что оставили. Даже смерть старшего брата не вызвала у Фёдора ничего. Во время похорон он подошёл к могиле, поглядел на чёрное, сожжённое электричеством лицо Антона спокойно, равнодушно» [5, т. I, с. 530]. Потерянность героя в пространстве романа закономерно ведёт исключительно к одному выходу — смерти. Смерть Фёдора от рук Ивана мыслится как расплата за предательство семьи, народа, страны. В последние минуты жизни Фёдор узнаёт всю правду об Анне, замученной отцом, о сыне Семёне, попавшем в плен к немцам, о ненависти Ивана к брату, копившейся долгие годы.

«— Да я смерти не боюсь, — проговорил Фёдор спокойно, с прежней кривой усмешкой. — Стреляй.

— И высь... — Иван вовсе задохнулся, конец слова проглотил. — Потому что... не имеешь ты права по этой земле ходить. И никогда не имел! Ты её... ты ей чужой, как твои друзья фашисты. Ты её обгадил... обгадил!» [5, т. III, с. 134].

Смерть Фёдора становится для Анны и горем и избавлением. Горем — из-за предательства мужем родной земли, избавлением — из-за освобождения от гнёта безлюбивой привязанности к ставшему с годами чужим человеку.

Завершающим этапом в истории Савельевых мыслится определение автором дальнейшей судьбы рода.

Последней частью «Вечного зова» является обширный эпилог под названием «Я слышу — соловьи росу клюют...», которое вводится как символ

спокойствия и открытия нового светлого мира. С окончанием войны для рода Савельевых, как и для всей страны, наступает период обновления. Несмотря на то, что война значительно пошатнула состояние семьи, а из старшего поколения остался в живых лишь Иван, род получает шанс на дальнейшее развитие. Так, сын Ивана, Володя, выбирает себе невесту и хочет образовать собственный очаг: «Сообщению сына Иван не удивился. По осени сделали нешумную свадьбу. И нынешним летом Антонина ходила уже с большим животом и всем говорила, что, если родится дочка, она назовёт её Агатой в честь матери своего мужа...» [5, т. III, с. 234].

Юрий Савельев, сын Антона и Елизаветы отважно сражается на войне и возвращается на родину: «на его командриской гимнастёрке поблёскивала, отражая щедрые апрельские лучи, звёздочка Героя Советского Союза» [5, т. III, с. 244]. Он влюблён в Наташу, жену Семёна, однако чувству этому не суждено развиваться в большее, поскольку Наташа не теряет надежды на возвращение мужа.

Сын Фёдора и Анны Семён погибает на войне, однако оставляет двух наследниц от жены Наташи и от фронтовой девушки Оли Королёвой. «Старший, Семён, дрался с фашистами без страха, медалью и орденом Ленина награждён, награды эти переслали Наталье, жене его» [5, т. III, с. 302]. Дима и Андрей самоопределяются в жизни. «Недавно ещё сопливый Андрейка стал теперь офицером, уже старший лейтенант» [5, т. III, с. 248] к тридцати годам он женится и обзаводится двумя детьми, «а из среднего, Дмитрия, и вовсе получилось необыкновенное — поэт, стихи пишет и книжки печатает, надо же!» [5, т. III, с. 248]. Личная жизнь Дмитрия складывается трудно. Его отношения с Галиной (Ганкой) претерпевают неопределённость, частые разрывы. Сама она из Украины, вместе со своей матерью Марьей Фирсовной жила в доме Фёдора и Анны Савельевых в годы войны. Так завязалась дружба между Ганкой и Димой, плавно перешедшая в любовь. Однако в 1944 Галина возвращается в Винницу и вскоре выходит замуж. Казалось бы, ситуация неразрешима, но уже в финале романа Дмитрию из Винницы приходит письмо, которое он не решается вскрыть. Мать же уверяет его: «Это хорошее письмо, я материнским чутьём чувствую. Иначе бы зачем она его стала писать? Через столько-то лет?! Зачем?» [5, т. III, с. 380]. Таким добрым предзнаменованием завершается роман «Вечный зов», когда Дмитрий «хотел написать горькие, тяжёлые или тревожные стихи, а получились радостные и весёлые!» [5, т. III, с. 382].

Смысл названия «Вечный зов» А. Иванов вкладывает в уста Поликарпа Кружилина на том самом вечере, когда братья встречаются спустя тридцать лет: «<...> человек, к счастью, наделён разумом, <...> Потому он и называется человеком. И рано или поздно он начинает задумываться над сутью и смыслом бытия, жизни окружающих его людей, общества и над своими собственными делами и поступками. Это его заставляет делать *властный и извечный зов к жизни*, извечное стремление найти среди людей своё, человеческое место. И я думаю, что с этого момента человек, каких бы ошибок он ни наделал, становится уже гражданином, а потом станет и бойцом за справедливость, за человеческое достоинство и за человеческую радость» [5, т. I, с. 230–231]. Из этой реплики очевидно, какая идея пронизывает весь роман: нужно быть

и оставаться человеком в любых обстоятельствах, нужно верить в силу человечества. Не все братья Савельевы находят своё место среди людей: Антон, погибая при трагических обстоятельствах, оставляет по себе память героя, истинно советского человека, идущего на всё ради страны и народа; Иван ближе к финалу романа полностью оправдывает себя перед людьми и перед собой ценой огромных потерь; Фёдор же остаётся непонятым как для себя самого, так и для других.

Таким образом, в период апогея соцреалистического искусства, именно семейная хроника становится едва ли не единственной разновидностью романной формы, наследующей классические традиции семейного романа и сохраняющей ее ключевые свойства (линейность повествования, соотнесение событий романа и событий истории, особая роль хронотопа дома, принципиальность мотива рода, генетической памяти), примером чему являются романы Г. Маркова и В. Кочетова. История одного рода в «Вечном зове» А. Иванова становится отражением истории целой страны и целой нации, объединяя в себе радость и печаль, счастье и горе, добро и зло. Семья — вот главное в жизни человека, народа и государства в целом. Подчеркнем, что в «Вечном зове» А. Иванова отражен процесс трансформации семейного романа (при сохранении таких его важнейших характеристик, как линейность повествования, хроникальность и привязанность к одному месту действия и развития сюжета, образ дома, семейного очага в качестве жанрообразующего элемента) в семейную хронику, благодаря расширению повествовательных рамок, конструированию эпопейного хронотопа, осмыслению частных судеб на фоне истории. При этом ориентирами в выборе жизненного пути героев становятся не только социальные и исторические события, но прежде всего личная нравственность как нравственность рода, моральные ценности семьи. Прозаик внимателен не просто к родословной и детству своих персонажей, но очевидно сосредотачивается на социально-историческом компоненте их судеб. На наш взгляд, именно тема генеалогии позволяет А. Иванову проследить историческую и социальную заданность многих душевных и духовных черт персонажей. В романе «Вечный зов» история рода Савельевых, нередко отмеченная конфликтами, разрывом связей, становится отражением истории страны и этноса в целом, семья же в «большой» истории остается доминантной категорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1960 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Дашевский В. А. Семья и история. (К проблеме традиций и новаторства в жанре семейной хроники) // Человек и общество. Проблемы современной советской литературы. Свердловск, 1966. Сб. 47. С. 5–32.
3. Джиоева А. Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: автореф. дис. ... канд. филол. н. Нижний Новгород, 2019. 23 с.
4. Джиоева А. Т., Осьмухина О. Ю. Жанровая трансформация семейного романа в современной отечественной прозе // Жанр. Стил. Образ: актуальные вопросы теории

и истории литературы: межвуз. сб. ст. / науч. ред. Д. Н. Черниговский. Киров: ВятГГУ, 2013. С. 9–11.

5. Иванов А. С. Вечный зов: роман: 3 т. М.: Амальтея, 1993. Т. 1. 575 с.; Т. 2. 351 с.; Т. 3. 383 с.

6. Кларк К. Советский роман. История как ритуал. URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=2689> (дата обращения: 04.09.2023)

7. Кочетов В. А. Журбины: Роман. М.: Сов. Россия, 1980. 386 с.

8. Марков Г. М. Строговы: Роман. Кишинев: Лит. артистикэ, 1987. 575 с.

9. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. № 1. С. 286–289.

10. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 280 с.